

УДК 81'37, 811.134.3, 811.161.1
DOI: 10.17223/19986645/54/3

А.М. Диас Ферреро, Э.Ф. Керо Хервилья

АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕГАТИВНУЮ ОЦЕНКУ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается образ женщины в португальских и русских паремиях. Как явление народной культуры, паремии выражают идеалы и ценности той или иной социальной группы или индивидуального сознания. Анализ негативной оценки женщины в русских и португальских пословицах и поговорках показал, что в обоих языках женщина предстает существом низшего рода по сравнению с мужчиной и считается его принадлежностью; и в той и другой культуре ей предписываются схожие отрицательные качества. Несмотря на то, что на протяжении многих веков русский и португальский языки развивались и функционировали достаточно изолированно друг от друга, сравнительный анализ свидетельствует, что образ женщины в пословицах и поговорках обеих лингвокультур имеет много общих черт.

Ключевые слова: женщина, отрицательная оценка, паремиология, португальский язык, русский язык.

Введение

Тема женщины постоянно находилась в поле зрения социологов и литературных критиков на протяжении всей истории ее изучения, а в последние десятилетия стала приоритетной прежде всего в сфере этнологии и социологии в силу растущего интереса исследователей к вопросу о роли женщины в современном обществе. На Западе он изучается главным образом посредством анализа различных дискурсивных практик. Т.А. Демешкина и М.А. Толстова утверждают, что «в фокусе исследований современной гендерной лингвистики находятся две группы проблем: гендерная специфика речевого поведения человека, исследуемая с учетом дискурсивных практик, и репрезентация гендера в системе языка» [1. С. 84]. Характерным примером этого являются многочисленные работы, связанные с языковым выражением гендерной и сексуальной тематики. Напротив, в тех обществах, которые не относятся к странам Запада, в том числе и в России, проблеме женщины в современном языковом сознании до сих пор не уделялось достаточного внимания со стороны исследователей [2, 3]. Однако следует отметить, что существуют интересные сопоставительные исследования русского и итальянского [4], русского и немецкого [5], русского и английского языков [6], анализирующих образ женщины во фразеологизмах.

Данная работа была проведена в рамках исследования, направленного на изучение образа женщины, создаваемого во фразеологических единицах

в разных языках. Целью исследования было определить, есть ли сходства или различия между двумя разными по типу культурами в образе женщины, отраженном во фразеологии, в частности в паремиологии, т.е. в пословицах и поговорках. Мы рассматривали следующие вопросы: используются ли схожие образы для описания женщины в португальском и русском языках; восхваляются ли одни и те же качества; проводятся ли одни и те же сравнения; одинаковые ли черты характера считаются отрицательными и положительными в обоих языках. В пословицах и поговорках отображаются позитивные и негативные особенности поведения женщины. Среди положительных аспектов обычно выделяют роль матери и хранительницы очага, а негативные связаны главным образом с отношением между женщиной и мужчиной, который указывает на ее многочисленные пороки (болтливая, капризная, лживая, опасная и т.д.). В рамках данной статьи мы проанализируем лишь те русские и португальские паремии, в которых выражена негативная оценка женщины.

Материал исследования. Обоснование

Выбор паремий в качестве источника исследования обусловлен тем, что пословицы и поговорки наиболее полно отражают особенности народной культуры, передавая ценности, обычаи и модели поведения, одобряемые обществом, которое их создает, сохраняет и распространяет. Как утверждает Хавьер Паскуаль Лопес, «паремиологический фонд можно определить как хранилище значительной информации о своеобразии определенной культурно-языковой общности, что способствует его изучению с межкультурной точки зрения» [7. Р. 174]. Соответственно, в данном фонде выражается мировоззрение коллектива, что позволяет получить исчерпывающую информацию об отношении человека к своей культуре. «В естественном языке ее реалии и установки рассеяны в содержании наименованных культурных «вещей» и концептов, явлены в прескрипциях народной мудрости – в пословицах, поговорках, в различного рода языковых стереотипах, эталонах, символах, а также в прецедентных текстах – в крылатых выражениях, сентенциях и т.п.» [8. С. 238]. Эстер Форгас Бердет считает, что пословицы и поговорки воспроизводят, сохраняют и распространяют культуру народа, прежде всего ту часть, которая тесно связана с повседневным трудом, являющимся исключительно женской прерогативой [9. Р. 35]. Пословицы отражают определенное представление о действительности, и часто говорящий произносит их, чтобы высказать свое мнение по поводу того или иного субъекта, а также в качестве защиты своей точки зрения или же точки зрения коллектива на тот или иной предмет, считаемый за истину. Произнося поговорку, говорящий делает это с установкой на мнение народного большинства: «Я так думаю и уверен, что и многие думают так же, как и я». Поэтому все пословицы, по сути дела, отражают один и тот же уровень коллективного сознания. Кроме того, они, как правило, имеют оценочный и поучительный характер, а потому используются

в качестве указания, совета или предупреждения по отношению к слушающему. Иными словами, поговорка – это один из путей проекции общенародного мировоззрения на индивидуальное сознание. Обладая информативным и прескриптивным характером, она описывает женщину, ее роль в обществе и в стенах дома, ее сильные и слабые стороны.

В современной паремиологии одни исследователи выделяют поджанры «описательной» и «предписывающей» поговорок [10. Р. 27–30]; другие, к примеру Мария Ньевес Вила Рубио [11. Р. 216–217], предлагают подразделять их на «денотативные» и «коннотативные». К первой категории паремий (описательной, или денотативной) относятся описательные поговорки, передающие информацию, относящуюся к той или иной сфере человеческой деятельности (метеорология, сельское хозяйство, медицина и т.п.), без оценочных суждений, например: *A água corre sempre para o mar* (Вода всегда стремится к морю), *Dos Santos ao Natal é inverno natural* (От Дня всех святых до самого Рождества – настоящая зима). Пословицы, относящиеся ко второй категории (предписывающей, или коннотативной), содержат поучения или пожелания, отражая систему взглядов и верований, и, следовательно, несут определенную эмоциональную нагрузку. Как полагают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, этот выбор национально своеобразен и связан с культурными реалиями и множеством других экстралингвистических факторов, определяющих жизнь и функции языка, равно как и характерные для него семантические преобразования формального и функционального характера [12. С. 14].

Для анализа мы отобрали прескриптивные паремии с негативной эмоциональной оценкой, т.е. те, в которых прослеживается определенная идеология общества и порицается поведение женщины. Необходимость такого анализа вызвана тем, что, по нашему мнению, сравнительное изучение одного и того же жанра устной традиции на двух языках, в историческом прошлом существовавших изолированно друг от друга, может привести к интересным выводам о том, какие аспекты образа женщины отражает каждая из данных языковых культур, а также выяснить, какими языковыми средствами она для этого пользуется, одинаковыми или различными.

Чтобы осуществить первоначальный замысел исследования, был составлен корпус лексических единиц, число которых превысило 1000 паремий, апеллирующих в русском и португальском (включая европейский и бразильский варианты) языках напрямую к женщине. В качестве источников настоящего исследования нами были использованы словари, сборники пословиц и поговорок со ссылкой на посвященные им работы на русском и португальском языке как официальном языке Португалии. В числе португальских источников мы опираемся на работы А. Деликадо [13]; Ф. Ролланда [14]; Ф. Лимы [15]; М.С. Карруска [16]; М.Д. Гомеша [17]; Д.П. Мачадо [18]; А. Морейры [19]; Д.Р. Коста [20] и С. Паренте [21]. Для анализа российских паремий использованы следующие словари и справочники, авторами которых являются А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова [22], В.И. Даль [23]; Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов [24]; В.П. Жуков [25] и В.И. Зимин [26, 27].

Из всего собранного корпуса паремий мы отобрали те, в которых прослеживается негативная оценка, в результате чего получилось 238 единиц в португальском языке и 225 единиц в русском языке. Многие из этих высказываний вышли из употребления и не бытуют в повседневной речи, однако это не означает исчезновение пережитков подобного отношения к женщине в общественном сознании. Без сомнения, данные стереотипы являются частью нашей истории и нашего мировоззрения и уже потому заслуживают внимания. Для того чтобы выяснить, в какой мере негативное видение женщины в традиционной пословичной культуре актуально в настоящее время, в качестве дополнительного источника информации мы также проанализировали и некоторые поговорки, идиомы и идиоматические выражения, функционирующие в современной живой разговорной речи и являющиеся частью общекультурного языкового фонда.

Сравнительный анализ корпуса пословиц и поговорок на русском и португальском языках

Проанализировав корпус собранных единиц, мы обнаружили, что в оценке женщины в русских и португальских паремиях функционируют общие элементы: используются аналогичные сравнения и метафоры, что определяет сходство создаваемого образа. В обоих языках встречается целый ряд пословиц и поговорок, изображающих женщин как болтливых, злоязычных, глупых, лживых, склонных к фантазии, ветреных, капризных, раздражительных, плаксивых, опасных, хитрых, коварных существ, которым нельзя доверять, умело манипулирующих мужским полом: *Do mar se tira o sal, e da mulher muito mal* (От моря соль, а от женщины зло); *Do vinho e da mulher, livre-se o homem, se puder* (Человеку стоит, если сможет, избавиться от вина и от женщины). Прибегающие ко всевозможным хитростям, свойственным их природе, женщины в русской устной традиции также предстают перед нами существами опасными, не меньше дьявола способными сбить человека с верного пути. Другие изображают женщину как существо хитрое и изворотливое, под стать черту: *Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; Где сатана не сможет, туда бабу пошлет; Баба¹ да бес – один у (в) них вес: до добра не доведет*. Когда хотят освободиться от

¹ В русской пословице к женщине обращаются при помощи существительных «женщина» и «баба», с явным преобладанием второго над первым. Существительное «баба» первоначально обозначало женщину замужнюю и занятую крестьянским трудом в поле, а потому заимствовано из лексикона исторически связанной с сельской жизнью. Данное существительное приобретает уничижительный оттенок лишь по отношению к женщине городской, но малообразованной и дурно воспитанной. В современном русском языке это слово уже используется для обозначения любой бескультурной и грубой женщины безотносительно к месту ее проживания. В составе русских пословиц «баба», по-видимому, не несет негативной семантики. В рамках данной статьи рассматриваются пословицы не потому, что они содержат лексему «баба», а потому, что они апеллируют к женщине как культурному концепту.

бремени забот, русские говорят: *Баба с возу – кобыле легче*, а португальцы – *O que o diabo não pode, consegue-o a mulher* (Что черту не сподручно, женщина сладит); *A raposa tem sete manhas e a mulher a manha de sete raposas* (У лисы семь уловок, а у женщины уловки семи лисиц); *Ao diabo e à mulher nunca falta que fazer* (Бес и жена без работы не останутся). Сходный образ женщины, умело пользующейся своим положением, возникает в речи героев фильма «Человек с бульвара Капуцинов»: «*Если женщина чего-то хочет, то надо ей непременно дать, иначе она возьмет сама*». Это выражение, трансформируясь, звучит так: *Если женщина чего-то хочет, дай ей*. Когда в пословице встречаются два женских образа, народная мудрость всегда на стороне молодой: *Ночная кукушка* (по отношению к жене) *дневную перекукует* (по отношению к свекрови). Здесь содержится намек на то, что свекровь не должна вмешиваться в дела сына и его жены.

Еще один семантический компонент анализируемых пословиц – это способность женщины в любой ситуации, даже будучи зависимой, соблюдать свой интерес, вызывая у мужчины опасение, что она всегда возьмет над ним верх и добьется своего: *Баба пьяна, а суд свой помнит*; *Женщина свою выгоду знает всегда*; *Женщина слово в простоте не скажет*; *Женщина захочет – мертвый захохочет*. То же самое мы видим на примере португальских пословиц: *O que a mulher quer, Deus o quer* (Что женщина желает, тому Бог потакает); *Três coisas mudam o homem: a mulher, o estudo e o vinho* (Три вещи способны изменить мужчину: женщина, ученье и выпивка); *Não há como a mulher para fazer do homem o que quer* (Кто, кроме женщины, умеет лучше из мужчины веревки вить!). «Все, что предпринимает женщина, – пустая трата времени, ждать от нее нечего», – словно хочет сказать русская поговорка: *Не было забот – купила баба порося*; *От нашего ребра нам не ждать добра*; *Бабы-то промыслы, что неправые помыслы*; *Бабы-то ремесло, что неправое ремесло*. Вторит ей и португальская: по причине своего превосходства над умственными и деловыми качествами женщины мужчина не будет просить у нее совета: *Conselho de mulher é rouco e quem o toma é louco* (Совет женщины ничего не значит, а кто ему последует, сам себя одурачит). Женщинам из русских и португальских пословиц свойственны горячность, раздражительность и стремление выказать свой нор: *Баба, что горшок: что ни влей – все кипит*; *Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуце шипит*; *A mulher e o rapaz são rouco amigos da paz* (Что женщина, что юнец, – обоим неймется). Поэтому пословица советует либо не связываться с женщиной (*Лучше раздражить собаку, нежели бабу*), либо применить силу (*Убил бы, уже бы вышел*). В других случаях пословица рекомендует мужчине в споре попросить у нее прощения, даже если она не права: *Если женщина не права, мужчина должен извиниться*.

В русских и португальских пословицах, по наблюдению исследователей, «женщина предстает, как правило, существом ничтожным, целиком зависящим от мужчины, ему принадлежащим» [28. Р. 8]. Исходя из представления об ограниченных умственных способностях женщины, русские

и португальские пословицы отождествляют ее с животными, чаще всего с домашними, или с теми, что служат пищей человеку [28. Р. 9]. При описании образа женщины в португальском материале фигурируют курицы, овцы, мул, козы, а из класса водных животных – сардинки: *A mulher e a sardinha, quer-se pequenina* (Женщинам и сардинкам лучше быть миниатюрными). Женщина часто предстает в невыгодном свете по аналогии с животными, имеющими какой-то изъян: *A mulher e galinha são bichos interesseiros: a galinha pelo milho e a mulher pelo dinheiro* (Женщина что курица: у той на уме маисовые зернышки, а у этой денежка). Чтобы добиться своего, мужчине следует поступать с женщиной так же, как и с выючными животными: *Com afagos, a mula e a mulher fazem o que o homem quer* (Лаской и мула, и жену укротишь, будут делать все, что велишь). Русские женщины, как правило, сравниваются с кошкой, курицей, кобылой и вороной. О здоровой, цветущей женщине в России говорят, что она *здоровая как кобыла*; склонность женщины к пустословию отражена в пословице *Курица гогочет, а петух молчит*.

Иногда в русском просторечии для обозначения пустой болтовни используют глагол «каркать», употребляемый обычно по отношению к вороне. Подмечая, что женщина более словоохотлива, чем мужчина, пословица видит в этом ее недостаток, к примеру: *Волос долог, а язык длинней* (у бабы); *Курица гогочет, а петух молчит*. Семантика глагола «гогочет», который характеризует нечленораздельное гусиное гоготание, высмеивает чрезмерный и бесконтрольный характер словесной активности женщины. В случае, когда пословица описывает встречу двух и более женщин, она создает образ хаоса, беспорядка, Содома и Гоморры: *Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Гусь да баба – торг, два гуся, две бабы – ярмарка; Где баба, там рынок, где две, там базар; Где две бабы, там суём (сейм, сходка), а где три, там содом*. То же и в португальском материале: *Duas mulheres fazem um mercado, quatro uma feira* (Где две женщины, там рынок, где четыре, там базар); *Três mulheres e um pato fazem uma feira* (Три бабы да одна утка – вот тебе и базар); *A mulher e a pega falam o que dizeis na praça* (Баба да сорока твердят все, что на площади говорят). Португальской женщине, как и русской, свойственно быть более разговорчивой, чем мужчине: *As mulheres, ainda as mais caladas, são sempre mais faladoras do que os homens* (Молчаливая женщина говорит больше, чем разговорчивый мужчина); *Mulher só cala o que não sabe* (Женщина молчит лишь о том, чего не знает); *No falar a mulher pequena ganha à grande* (Коротышка в разговоре берет верх над высокой). Пословицы также осуждают свойственную женщинам болтливость: *Женское слово, что клей, пристаёт; Бабий язык, куда ни завалишь, достанет; Бабий язык – чертово помело; Vai a toça ao rio, conta o seu e o de (o) seu vizinho* (Идет молодка к речке, рассказать о себе и о соседке); *Segredo em boca de mulher, é o mesmo que escrever em papel* (Тайна в устах женщины все равно, что на бумаге). Поэтому молчаливость – главная женская добродетель: «Ты такая красивая, когда молчишь» (реплика из фильма «Ищите женщину»); *Por muito bem que a mulher fale, é preferível*

que esteja calada (Как бы гладко женщина не говорила, лучше бы она молчала). Мужчина знает, что с женщиной невозможно договориться и что он ее не переговорит: *Бабу не переговоришь*. (В настоящее время бытует в основном вторая часть поговорки: *ее не переговоришь*.)

Пословица также учит, что слову женщины нельзя доверять, так как ей вообще свойственны лживость, склонность к фантазии и непостоянство во мнении: *Кто бабе (свахе) поверит, трех дней не проживет*. В этой пословице обычно приводится лишь первая фраза: *Кто бабе (свахе) поверит...*; *Женщины лгут, даже когда молчат*. В русских пословицах женщины, кроме того, злоязычны, т.е. дурно отзываются о людях. Приведем примеры из португальского: *Quem segura a enguia pelo rabo e a mulher pela palavra, pode dizer que não segura nada* (Кто подцепит рыбу за хвост, а женщину за язык, ничего не поймает); *Três manhas tem a mulher: mentir sem cuidar, chorar sem querer, mijar onde quer* (У женщины три свойства: врать не задумываясь, плакать без причины, мочиться, где вздумается). Подмечено также, что женщины часто прибегают к плачу для достижения своих целей: *Баба слезами беде помогает; Женский обычай – слезами беде помогать; Lágrimas de mulher, valem muito e custam-lhe pouco* (Слезы женщины дорого стоят, а ей ничего не стоят); *A mulher ri quando pode e chora quando quer* (Женщина смеется, когда можно, а плачет, когда захочет). Поэтому пословица часто расценивает женские слезы как неискренние и советует им не верить: *Em manqueira de cão e lágrimas de mulher, não há que crer* (Лаю собаки и женским слезам веры нет); *Não creiais lágrimas de mulher que chora* (Не верьте слезам женщины, если она плачет); *Sol de inverno, chuva de Verão, choro de mulher e palavra de ladrão, ninguém caía, não* (Солнцу в январе, дождю по весне, женским слезам и воришкиным словам один ответ: веры нет). Кроме того, в пословицах проводится мысль, что унять женский плач невозможно: *Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже*; плач – чисто женский атрибут, так что пословица учит, что *мужчины не плачут; дорого стоит мужская слеза*; с презрением отзывается пословица и о пьяных слезах, сравнимых разве что с неискренним женским плачем, оба ничего не стоят: *У баб да у пьяных слёзы дешево стоят*.

Русские и португальские пословицы свидетельствуют о том, что в мужскую привычку вошло недоверие к женщине до такой степени, что *Женщине верить – себя не уважать; Quando vires uma mulher fala mas não escutes* (Когда женщина говорит, не слушай). Хотя, возможно, самое характерное в поведении женщины, что отмечает пословица, – это непостоянство мысли, стремление постоянно менять свое мнение, так что ее слово теряет смысл: *Девичьи (женские) думы изменчивы; Меж бабыим 'да' и 'нет' не проденешь иголки; Бабка надвое сказала; У женщины семь пятниц на неделе*, т.е. семь различных решений одного и того же вопроса. То же самое мы видим и в португальских примерах: *Mulher, vento e ventura, asinha se muda* (Женщина, ветер и удача изменят быстро); *Muitas vezes a mulher varia; bem tolo é quem nela se fia* (Женщина меняется ежечасно; глупец тот, кто ей поверит). Непостоянство и неуверенность в себе как типичное свойство женской природы

влечет за собой мысль о том, что мужчине трудно ей угодить: *На женский нрав не угодишь; На женский норв нет угадчика; Сама придумала, сама обиделась*. Женские капризы доводят ее до того, что она хочет именно того, что муж ей не велит: *O que o marido proíbe, a mulher o quer* (Жена всегда хочет того, что муж не велит); *Minha filha Tareja, quanto vê deseja* (У моей Тарехи горят глаза на все, на что ни поглядит); *Maria 'lambiça', quanto vê quanto cobiça* (Мария 'Ламбиса (Перевод: которая все желает)' желает все, что она видит); *A mulher, ainda que rica seja, se é pedida mais deseja* (Женщине сколько ни дай, все будет мало). Возможно, именно это непостоянство, которое пословица приписывает женщине, становится причиной того, что она начинает выглядеть загадочной в глазах мужчины, непредсказуемой, а значит, и не внушающей доверия: *Женщину умом не понять*; Женщина имеет совершенно иную точку зрения на мир: *Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Melão e mulher difíceis são de conhecer* (Дыню и женщину понять трудно); *Ainda está para nascer, quem de mulheres e ovelhas há-de entender* (Еще не родился тот, кто в женщинах и в овцах разбирается).

Как показывает анализ паремий, и в русской, и в португальской картинах мира женщина рассматривается как вещь, собственность мужчины. Женщина сравнивается с животными, причем данное сравнение аналогично в обеих культурах. По традиции место женщины всегда в доме, у очага, в то время как мужчина рассматривался как добытчик средств к существованию. Таким и изображают его португальская и русская поговорки: *Do hotet a praça, da mulher a casa* (Мужу площадь, жене дом); *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*. Если женщины дома нет, то пословица тут же напоминает, что к вечеру она должна вернуться в дом: *A mulher e a galinha, com o sol recolhida* (Жена и курица с заходом солнца в курятник); *A mulher e a ovelha, com o sol à cortelha* (Жена и овца с заходом солнца в клеть); *A mulher e o passarinho com o sol ao ninho* (Женщина и птица с заходом солнца – каждая в свое гнездо). Некоторые русские пословицы до такой степени унижают женщину, что полностью лишают ее человеческого достоинства: *Курица не птица, а баба не человек; Кобыла не лошадь, баба не человек*. Женщине не суждено быть мужчиной, брать на себя его роль: *Курице не быть петухом, а бабе мужиком*. Отсюда в русском языке такие выражения по отношению к женщине, как *курица безмозглая*, свидетельствующие о полном отсутствии у женщины ума. Женщины выглядят в пословицах глупыми, по уму уступающими мужчинам: *У бабы волос долог, да (а) ум короток; Длинный волос – короткий ум; Cabelos compridos, ideias curtas* (Длинные волосы, короткие мысли). В русской традиции идеалом женской красоты всегда были длинные волосы. В пословицах этот атрибут женской красоты связывается с отсутствием у женщины ума: чем длиннее волосы, тем меньше ума: *У Бабы ума – что волос на яйце; У Бабы ума – что волос на камне; Бабий умок короткий*. В португальских пословицах женская красота – признак высокомерия и отсутствия интеллекта, в них есть намек на то, что красота таит в себе какой-то существенный изъян интеллектуального или морального

свойства: *Mulher formosa, ou doida, ou presunçosa* (Красивая женщина либо глупа, либо высокомерна); *Não há bela sem senão* (Нет красоты без изъяна). Любопытно, что и в русском и португальском материале присутствие или отсутствие ума, как правило, связано с цветом волос. Отсюда обилие русских анекдотов о женщинах-блондинках; существительное *блондинка* используется как синоним глупости: *Блондинки дуры, даже если они брюнетки*. Считается, что блондинки, как правило, ничего не решают без помощи мужчин. Поэтому в современном русском языке для обозначения подобного типа беспомощной и нерешительной женщины используется существительное *Барби* (Barbie). Только в редких случаях находим пословицы, с одобрением отзывающиеся о свойствах женского ума: *Женский ум лучше всяких дум*. Подобное отношение к женщине в каком-то смысле закономерно. Общество возлагало на нее заботу о доме, муже и детях, поэтому ее умственные способности не были востребованы, более того, они считались помехой в семейной жизни, поэтому женщине не полагалось развивать свой ум, вмешиваться в дела мужа. Пожалуй, нет более характерного в этом отношении примера, чем португальская поговорка *Guarda-te da mula que faz him, e da mulher que fala latim* (Берегись кобылы, которая ржет, и женщины, знающей латынь).

Чувство неполноценности женщины компенсируется в пословице мыслью о том, что соответствие женскому идеалу послушания идет ей на пользу: *A mulher que é boa e terna obedecendo governa* (Жена добрая и мягкая всегда возьмет верх над мужем); от женщины требуется полное подчинение мужчине, и в этом ее идеалом, согласно русской половице, должна быть собачья преданность: *Собака умней бабы: на хозяина не лает*. Держать женщину под контролем в Португалии вошло в привычку до такой степени, что в эпоху диктатуры Саласара на почтовых открытках с долей иронии появлялись такого рода карикатуры:

В России стереотип неполноценности женщин по сравнению с мужчинами в ироническом смысле воспроизводится в современных фильмах, например в фильме «Кавказская пленница», где в устах одного из героев звучит фраза «Женщина – друг человека» по аналогии с поговоркой «Собака – друг человека» с намеком на то, что женщина – все равно что собака: «Как говорил наш замечательный сатирик Аркадий Райкин: женщина – друг человека».

В португальской языковой культуре довольно устойчив стереотипный образ женщины как собственности мужчины, который обязан ее охранять, как вещь: *A quem tem mulher formosa, castelo na fronteira e vinha na carreira, nunca lhe falta canseira* (У кого жена красавица, на меже сторожевая башня, виноградник на обочине, забот не оберешься). С тем же явлением мы сталкиваемся и в русских поговорках: *Кто имеет жену красную и лошадь хорошую, всегда не без мысли бывает*; за неподчинение сильному полу народная мудрость учит наказывать женщину, дабы проучить ее: *Бабий быт – за все бит*; *Бей бабу молотом – будет баба золотом*; *À mulher e à galinha, torce-lhe o pescoço se a quiseres fazer boa* (Сверни голову курице и женщине, если хочешь, чтобы она была добра); *A mula e a mulher, com pancada se quer* (И кобыле, и женщине кнут). Традиция также оправдывает физическое насилие мужчины над женщиной из ревности, исходя из убеждения «ревнует – значит любит»: *Quanto mais me bates mais gosto de ti* (Чем больше ты меня бьешь, тем сильнее люблю). В народной культуре России и Португалии испокон веков одинаково бытовало представление о насилии над женщиной как знаке внимания к ней со стороны мужа и о свидетельстве супружеской любви, поэтому рекомендовалось не вмешиваться в отношения между ними. Общество не только мирилось с таким положением дел, но даже брало мужчину под защиту. По словам Жоао Педросо и Патрисии Бланко, «традиционно уголовное право старалось не вмешиваться в семейные дела» (считавшиеся делом частным, интимным) [29. Р. 73], так что от насилия в семье не было никакой правовой защиты. Португальская поговорка *Entre marido e mulher não se mete a colher* (Между женой и мужем ложки не просунешь) прекрасно иллюстрирует тенденцию оправдания мужского насилия и невмешательства в супружеские разборки и разногласия. К счастью, в последнее время эти стереотипы постепенно начинают изживаться. Упомянутая пословица в ходе проведенной в Португалии кампании по предотвращению домашнего насилия легла в основу поэтики плаката.

В последние годы внесены изменения и в португальский уголовный кодекс, предусматривающий наказание за домашнее насилие как уголовное преступление: «Если раньше так называемая народная мудрость гласила, что “между мужчиной и женщиной ложки не просунешь”, сегодня в защиту равенства между мужчиной и женщиной мы решительно ратуем за то, чтобы в качестве регулятора отношений между ними встало уголовное право» [26. С. 73].

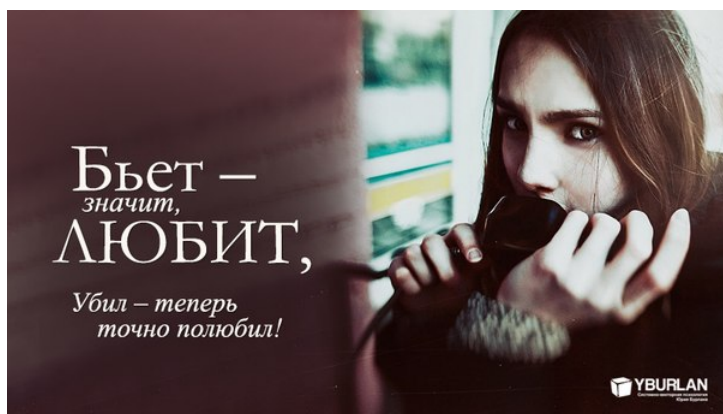
Семинар по вопросам домашнего насилия «Просунуть ложку, задуматься о домашнем насилии, вмешаться». 25 ноября 2008 г. Комиссия по защите и молодежи и детства. Vizela (CPCJ). Администрация Визелы

Семинар под названием «Просунуть ложку». Ноябрь 2012 г. Федеральный департамент женщин-социалисток (DFMS) Алгарве

Что касается русской культуры, то со всей уверенностью можно утверждать, что хотя проблема домашнего насилия встала в современном обществе во весь рост, она никогда не считалась приоритетной ни в обществе, ни в эшелонах власти, и это в стране, где после Октябрьской революции 1917 г. женщины получили такие права, которые и не снились женщинам во всем мире.

Революция сделала всех членов общества «товарищами», без различия полов, с равными правами и обязанностями постольку, поскольку они были в равной степени участниками общественной жизни и строителями коммунизма. Но народная традиция, несмотря на этот прогресс, была и остается достаточно консервативной в сфере частной жизни, выражая через пословицы и поговорки традиционно бытующее в обществе мнение, что жену следует наказывать: *Люби жену как душу и бей как грушу; Люби жену как душу и бей как шубу*. Эта поговорка, широко распространенная в настоящее время, особенно во втором варианте, означает, что женщину нужно бить как можно сильнее, любя. Более того, похоже, и сама женщина склонна принимать побои как должное, терпеть насилие над собой, оправдывая его поговоркой: *Если бьет – значит любит*. Как и в Португалии, в России эта поговорка также стала частью пропагандистской кампании против гендерного насилия в защиту прав женщины.

Плакат проекта YBURLAN (Системно-векторная психология Юрия Бурлана) для оказания психологической помощи женщинам, столкнувшимся с проблемой домашнего насилия

В России всегда бытовало мнение, что домашнее насилие – дело частное и что за любым раздором в семье кроются любовь и взаимопонимание: *Милые бранятся (ругаются) – только тешатся*, как и в испанской поговорке *Los amores reñidos son los más queridos* (В споре рождается любовь), вследствие чего считается нецелесообразным вмешиваться в супружескую жизнь: *Муж с женой бранится да под одну шубу ложится*, т.е. в конечном счете супруги сами между собой разберутся.

Заключение

Проанализировав корпус собранных единиц, мы можем заключить, что в паремиях португальского и русского языков прослеживается схожий образ женщины, когда речь идет о ее отношениях с мужчиной, оценке ее качеств и негативных чертах, которые ей приписываются. В паремиологическом фонде обоих языков встречаются аналогичные пословицы и поговорки, характеризующие женщину сходным образом. В результате настоящего исследования было выявлено, что культурные ценности, которые отражаются в пословицах, совпадают. Оценка женщины как в русском, так и в португальском языках содержит общие элементы, что представляется неожиданным с учетом того, что речь идет о языках, далеких друг от друга; эмоционально-оценочный компонент, являясь основой паремий прескриптивного характера, отвечает специфическим этнокультурным чертам. Иначе говоря, носители португальского и русского языков, желая выразить эмоциональную оценку объекта (в данном случае женщины), создают аналогичные паремии. В пословицах и поговорках обоих языков женщина предстает болтливой, злоязычной, глупой, лживой, склонной к фантазии, ветреной, капризной, раздражительной, плаксивой, опасной и хитрой. Она считается низшим существом, принадлежащим мужчине и зависящим от него. Отсюда и сравнение с животными, встречающееся во многих паремиях. В португальском языке ее сравнивают с курицей, овцой, ослицей, козой и сардиной, а в русском – с кошкой, курицей, кобылой, вороной и т.д. Подобное женоненавистное отношение, возможно, связано с преобладающей в обществе на протяжении долгого времени властью мужчины. Пословицы и поговорки описывают то, что мужчины ждут от женщин, а также то, что ждет от них общество, управляемое мужчинами. Кроме того, было интересно отметить, что многие паремии, проанализированные в рамках настоящего исследования, продолжают являться частью коллективного сознания в португальской и русской лингвокультурах, так как часто используются в рекламных кампаниях, в чем мы смогли убедиться ранее. В заключение можно сказать, что наше исследование подтверждает тот факт, что пословицы и поговорки являются ценным хранилищем языковых и экстралингвистических знаний говорящего и отражают видение мира определённого социума.

Литература

1. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. Р. 83–105.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 180 р.
3. Вальтер Х. Образ женщины в русских «антипословицах» // Słowo. Tekst. Czas VII. środki nominacji w nowej Europie. Новые средства номинации в новой Европе. Neue Phraseologie im neuen Europa. Materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 21–23 listopada 2003 r. / pod redakcją Michała Aleksiejkenim i Marzanny Kuczyńskiej. Szczecin ; Greifswald, 2004. С. 327–338.

4. Демешкина Т.А. Базовые концепты в традиционной культуре и дискурсивных практиках (на материале русских и итальянских пословиц) // *Беспокойные музы: К истории русско-итальянских отношений XVIII–XX вв.* / под ред. А. д'Амелия. Салерно, 2011. С. 165–176.
5. Вальтер Х. Женщина в русских и немецких сравнениях // *Kobieta. Wzwierciadłe języka i kultury* / pod red. Ally Archangelskiej i Mirosławy Hordy. Szczecin, 2017. С. 19–35.
6. Сереброва Г.А. Образ женщины во фразеологизмах русского и английского языков // *Вестник Чувашского университета*. 2007. № 1.
7. Pascual López, X. El refrán como producto lingüístico-cultural // *Lingüística española en Polonia: Líneas de investigación*. Janusz Pawlik & Jerzy Szalek (eds.). Colección Filología Románica. № 51. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu), 2014. P. 169–178.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 p.
9. Forgat Berdet, E. Cultura popular y cultura material: el refranero // *Paremia*. 1993. Vol. 1. P. 35–44.
10. Conca M. Paremiologia. Valencia : Universitat de Valencia, 1987. 112 p.
11. Vila Rubio M. N. El refrán: Un artefacto cultural // *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares*. 1990. № 45. P. 211–224.
12. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. : Рус. яз., 1990. 247 с.
13. Delicado A. Adágios portugueses reduzidos a lugares communs. Lisboa : Officina de Domingos Lopes Rosa, 1651. 268 p.
14. Rolland F. Adagios, proverbios, rífões e anexins da lingua portuguesa, tirados dos melhores authores nacionaes, e recopilados por ordem alfabetica por F.R.I.L.E.L. Lisboa : Typographia Rollandiana, 1780. 144 p.
15. Lima F. Adagiário Português. Lisboa : Fundação Nacional para a Alegria no Trabalho, 1963. 183 p.
16. Carrusca M.S. Vozes da Sabedoria. 3 vols. Lisboa : União gráfica, 1974. Vol. 1. 354 p.; Vol. 2. 359 p.; 1977. Vol. 3. 319 p.
17. Gomes M.J. Nova recolha de provérbios e outros lugares comuns portugueses. Lisboa : Afrodite, 1974. 385 p.
18. Machado J.P. O Grande Livro dos Provérbios. Lisboa: Editorial Notícias, 1996. 613 p.
19. Moreira A. Provérbios Portugueses. Lisboa : Ed. Notícias, 1996. 407 p.
20. Costa. J. R. O livro dos provérbios portugueses. Lisboa : Presença, 1999. 551 p.
21. Parente S. O Livro dos Provérbios. Lisboa : Âncora Editora, 2005. 758 p.
22. Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
23. Даль В.И. (1862). Пословицы русского народа. М., 1994. URL: <http://www.afroism.ru/dal/>
24. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М. : Помовский и партнёры, 1994. 120 с.
25. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Рус. яз., 2000. 544 с.
26. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа: Большой толковый словарь. 2-е изд., стер. Ростов н/Д : Феникс ; М. : Цитадель-трейд, 2005. 544 с.
27. Зимин В.И. Словарь-Тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : Аст-Пресс, 2005. 729 с.
28. Díaz Ferrero A.M. La mujer en el refranero portugués. Salamanca: Luso-española de ediciones, 2004. 217 p.
29. Pedroso J., Branco P. Mudam-se os tempos, muda-se a família. As mutações do acesso ao direito e à justiça de família e das crianças em Portugal // *Revista Crítica de Ciências Sociais*. 2008. № 82. P. 53–83.

ANALYSIS OF PROVERBS EXPRESSING A NEGATIVE VIEW OF WOMAN IN THE RUSSIAN AND PORTUGUESE LANGUAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 42–58. DOI: 10.17223/19986645/54/3

Ana María Díaz Ferrero, Enrique Federico Quero Gervilla, University of Granada (Granada, Spain). E-mail: anadiaz@ugr.es / efquero@ugr.es

Keywords: woman, negative view, paroemiology, Portuguese, Russian.

The present work focuses on the analysis of the image of Woman in Portuguese and Russian paroemias. As a phenomenon of folk culture, paroemias express the ideals and values of a certain social group or individual consciousness. In addition, they are often instructive or evaluative. For this reason, they are used as directives, pieces of advice or warnings to the listener. In other words, paroemias and above all proverbs are a powerful means of projecting the national world view on the individual consciousness. The motive for this study stems from the authors' view that the comparative analysis of paroemias in two languages, historically isolated from each other, may reveal aspects of the image of Woman reflected by each linguistic culture, and to show similarities and differences in the language tools used for this purpose. For this propose, the authors analyzed Russian and Portuguese sources, including dictionaries and compilations of proverbs and sayings with reference to the related works in Russian and Portuguese. In order to carry out this work, a corpus was compiled of more than 1000 paroemias referring directly to women in the Russian and Portuguese languages (including European Portuguese and Brazilian Portuguese). From this corpus of paroemias, the authors selected those that reflect a negative assessment, resulting in 238 samples in Portuguese and 225 in Russian.

Although most of these expressions are old-fashioned and no longer used in everyday speech, this does not mean that the echoes of such an attitude towards women have faded away in the national consciousness. Without a doubt, these stereotypes are part of history and world view, and are therefore worth noting. Moreover, in order to assess the extent to which negative interpretation of Woman persists in the contemporary traditional proverb culture, the authors used additional sources of information and analyzed some idioms and idiomatic expressions which function in modern colloquial speech and constitute part of the worldwide cultural linguistic fund. The comparative analysis reveals that the image of Woman in paroemias in the two linguistic cultures has many features in common. In both cultures Woman is represented as being of inferior gender compared to Man, and is considered as his possession.

References

1. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2017) Gender dialectology and dictionaries as its source. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 12. pp. 83–105. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/5

2. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: the linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.

3. Walter, H. (2004) [The image of a woman in Russian “antiproverbs”]. *Slowo. Tekst. Czas VII. Środki nominacji w nowej Europie. Nowe sredstva nominatsii v novoy Evrope. Neue Phraseologie im neuen Europa* [New means of nomination in the new Europe]. Proceedings of the VII International Conference. Szczecin. 21–23 November 2003. Szczecin: Greifswald. pp. 327–338.

4. Demeshkina, T.A. (2011) Bazovye kontsepty v traditsionnoy kul'ture i diskursivnykh praktikakh (na materiale russkikh i ital'yanskikh poslovtiv) [Basic concepts in traditional culture and discursive practices (on the basis of Russian and Italian proverbs)]. In: D'Amelia, A. (ed.) *Bespokoynye muzy: K istorii russko-ital'yanskikh otnosheniy XVIII–XX vv.* [Restless muses: On the history of Russian-Italian relations of the 18th–20th centuries]. Salerno: [s.n.].

5. Walter, H. (2017) Zhenshchina v russkikh i nemetskikh sravneniyakh [A woman in Russian and German comparisons]. In: Archangelskaja, A. & Horda, M. (eds) *Kobieta. W zwierciadle języka i kultury* [Woman. In the mirror of language and culture]. Szczecin: Greifswald.
6. Serebrova, G.A. (2007) Obraz zhenshchiny vo frazeologizmakh russkogo i angliyskogo yazykov [The image of a woman in the phraseology of Russian and English]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 1.
7. Pascual, L.X. (2014) El refrán como producto lingüístico-cultural [The saying as a linguistic-cultural product]. In: Pawlik, J. & Szalek, J. (eds.) *Linguística española en Polonia: Líneas de investigación* [Spanish linguistics in Poland: Research lines]. *Colección Filología Románica*. 51. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu). pp. 169–178.
8. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Forgat Berdet, E. (1993) Cultura popular y cultura material: el refranero [Popular culture and material culture: the proverb]. *Paremia*. 1. pp. 35–44.
10. Conca, M. (1987) *Paremiología* [Paremiology]. Valencia: Universitat de Valencia.
11. Vila Rubio, M.N. (1990) El refrán: Un artefacto cultural [The saying: A cultural artifact]. *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares*. 45. pp. 211–224.
12. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990) *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: Rus. yaz.
13. Delicado, A. (1651) *Adágios portugueses reduzidos a lugares comuns* [Portuguese adages reduced to common places]. Lisbon: Officina de Domingos Lopes Rosa.
14. Rolland, F. (1780) *Adagios, proverbios, rifeões e anexins da lingua portugueza, tirados dos melhores authores nacionaes, e recopilados por ordem alfabetica por F.R.I.L.E.L.* [Adages, proverbs, and anexines of the Portuguese language, drawn from the best national authors, and compiled by alphabetical order by F.R.I.L.E.L.]. Lisbon: Typographia Rollandiana, 144 p.
15. Lima, F. (1963) *Adagiário Português* [Portuguese adages]. Lisbon: Fundação Nacional para a Alegria no Trabalho.
16. Carrusca, M.S. (1977) *Vozes da Sabedoria* [Voices of Wisdom]. In 3 vols. Lisbon: União gráfica.
17. Gomes, M.J. (1974) *Nova recolha de provérbios e outros lugares comuns portugueses* [New collection of proverbs and other Portuguese commonplaces]. Lisbon: Afrodite.
18. Machado, J.P. (1996) *O Grande Livro dos Provérbios* [The Great Book of Proverbs]. Lisbon: Editorial Notícias.
19. Moreira, A. (1996) *Provérbios Portugueses* [Portuguese Proverbs]. Lisbon: Ed. Notícias.
20. Costa, J.R. (1999) *O livro dos provérbios portugueses* [The book of Portuguese proverbs]. Lisbon: Presença.
21. Parente, S. (2005) *O Livro dos Provérbios* [The Book of Proverbs]. Lisbon: Âncora Editora.
22. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (1998) *Slovar' russkoy frazeologii: Istoriko-etimologicheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological reference book]. St. Petersburg: Folio-Press.
23. Dahl, V.I. (1862). *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. [Online] Available from: <http://www.apho-rism.ru/dal/>.
24. Dobrovol'skiy, D.O. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Assotsiativnyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Associative phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Pomovskiy i partnory.
25. Zhukov, V.P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Rus. yaz.

26. Zimin, V.I. (2005) *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda: Bol'shoy tolkovyy slovar'* [Proverbs and sayings of the Russian people: A big explanatory dictionary]. 2nd ed. Rostov-on-Don: Feniks; Moscow: Tsitadel'-trejd.

27. Zimin, V.I. (2005) *Slovar'-Tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary-Thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. Moscow: Ast-Press.

28. Díaz Ferrero, A.M. (2004) *La mujer en el refranero portugués* [The woman in the Portuguese proverb]. Salamanca: Luso-española de ediciones.

29. Pedroso, J. & Branco, P. (2008) Mudam-se os tempos, muda-se a família. As mudanças do acesso ao direito e à justiça de família e das crianças em Portugal [The times change, the family changes. Mutations of access to the law and to justice for family and children in Portugal]. *Revista Crítica de Ciências Sociais*. 82. pp. 53–83.